

ЖЗЕНА ШЕБУЕВА

14

СОДЕРЖАНІЕ:

МОЕЙ ЦАРИЦѢ. Н. ШЕБУЕВА.—О БИБЛИИ.—ФАНТАСМАГОРІЯ, РОЖДЕСТВЕНСКІЙ РАЗСКАЗЪ СЪ РИС. А. М. ЛЮБИМОВА.—ВЕЧЕРНІЯ УЛИЦА. ЯКОВА ГОДИНА. НАТУРЩИЦА. Н. ГЕРАРДОВА.—ИРОДИАДА. ПОЭМА Н. ШЕБУЕВА СЪ РИС. ОБРИ ВИНЦЕНТА БЕРСЛЕЙ.—ЭТЮДЫ. В. СЕНИЛОВА.—СИРЕНЬ. РОМАНСЪ В. СЕНИЛОВА НА СЛОВА Я. ГОДИНА.—ПЕРЕДЪ ВЪНЦОМЪ. ВЪ ГОСТИНОЙ. ФЛИРТЪ, В. ЛЕНСКАГО.—КАРТИНКА СЪ ОЧЕНЬ МНОГИМИ СЛОВАМИ. А. М. ЛЮБИМОВА.

МОЕЙ ЦАРИЦѢ.

Я люблю тебя иною, претворенною.
Я люблю такой, какой рисуешь стихъ.
Я люблю тебя, мечтою озаренною.
Я люблю тебя царицей сновъ моихъ.
Мнѣ совсѣмъ нѣтъ дѣла; та ли ты, не та ли ты,—
Изъ мечты, иль жизни образъ твой возникъ.
Золотыхъ волосъ каскадомъ щечки залиты,
Ореоломъ свѣтлымъ окружаютъ ликъ.
Легки и пугливы складки одѣянія.
Спорить съ бѣлизной ихъ блѣдный груди-мать.
Отъ твоихъ очей—лучистыя сіянія.
Отъ стыдливыхъ устъ — пьянящій ароматъ.
Я люблю тебя за миги вдохновенія.
Я люблю тебя за опьяненья дрожь.
Я люблю тебя за правду пробужденія.
Я люблю тебя за сновидѣнья ложь.
Н. ШЕБУЕВЪ.

О БИБЛИИ.

Ты была моимъ другомъ въ тюрьмѣ—Книга священнаго Разума и Книга священнаго Безумія.
Я впервые тамъ ознакомился со многими красотами твоихъ неизвѣданныхъ страницъ.
Первозданная наивность Книги Бытія.
Человѣческая, слишкомъ человѣческая, скрупулезность Книги Исхода.
Полная анатомическихъ подробностей и паталогическихъ ужасовъ Книга Левитъ.
Буржуазная, слишкомъ буржуазная Книга Чиселъ.
Человѣколюбивая и человѣконенавистническая книга Второзаконія.
Эпическая Книга Иисуса Навина и Судей Израилевыхъ.
Полная мистическихъ ужасовъ Книги Царствъ и Паралипоменонъ.
И надъ всѣмъ этимъ тоскующій духъ Давида.
Ликующая Пѣснь Пѣсней Соломона.
И карающій голосъ Іеговы, грознаго бога Іудей.

И таинственный шопотъ причудливыхъ притчей Соломона.
И плачь Іереміи.

И проклятыя пророковъ, изрыгающихъ, выхаркивающихъ, выплевывающихъ съ кровью и желчью свои пророчества.

О, эти пророки,—нѣтъ словъ, достаточно громкихъ и достаточно жесткихъ, чтобы передать на русскій языкъ всю грубую бичующую силу ихъ обличеній.

Въ боговдохновенномъ экстазѣ имъ никакое слово не казалось слишкомъ дерзкимъ, никакое сравненіе слишкомъ вульгарнымъ.

И читая ихъ, слушая голосъ ихъ, я думалъ:

— Какъ же грозно и сильно долженъ былъ говорить самъ Предтеча, если ужъ они, Предтечи Предтечи, гремятъ какъ громъ земной и небесный!

И читая ихъ, я проникся духомъ ихъ наивной, стихійной вѣры, увлекся вѣчно юнымъ и вѣчно старымъ сюжетомъ.

И написалъ Иродіаду.
Сладострастныя трепетанія человѣческаго тѣла, которыми наполнена Пѣснь Пѣсней, и сладострастное бичеваніе пороковъ, которымъ напоены волли Предтечъ Предтечи...

О, если бы я могъ передать хоть сотую часть ихъ силы.

Меня будутъ укорять въ грубости.

Но прочтите пророковъ, они грубѣе меня.

Меня будутъ укорять въ реализмѣ.

Прочтите Пѣснь Пѣсней, этотъ апогеозъ чувственнаго женскаго тѣла.

Меня будутъ укорять въ незнаніи библейскаго духа...

Прочтите Библию, вы, которые такъ любите говорить о Библии.

И которые знаютъ о ней только по наслышкѣ.

ФАНТАСМАГОРІЯ.



— Все равно, гдѣ безконечность—въ началѣ или въ концѣ... Ха-ха-ха...
Если ты философъ, философствуй...

ФАНТАСМАГОРІЯ.

Мнѣ было скучно. Чтобы развлечься, я отправляюсь въ одинъ изъ загородныхъ садовъ, кричащихъ о себѣ со всѣхъ витринъ трехъ-аршинными афишами. Но этотъ садъ не развлекъ меня: слащавенкій теноръ съ глупой, самодовольной улыбкой пропѣлъ: «Я помню вечеръ» Цезаря Кюи.



Надоѣвшій до омерзѣнія клоунъ во фракѣ и съ рыжимъ парикомъ постоялъ на головѣ и подрыгалъ ногами.

Шансонетная пѣвица, превосходившая Иветту Гильберъ только возрастомъ и далеко уступавшая ей во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, пропищала что-то о своей «муфточкѣ» и тоже подрыгала ногами.

Словомъ, все происходило по допотопной программѣ, такъ набившей оскомину еще жителямъ Содома и Гоморры.

Былъ даже синемаграфъ, нѣкоторыя картины котораго мнѣ показались тоже дрыгающими,—до того ннѣ мигали.

Но странно: единственное, что заставило меня разсмѣяться въ этомъ «увеселительномъ» саду, было именно этотъ синемаграфъ, хотя я и раньше сто разъ

видѣлъ это назойливое дѣтище Эдиссона.

Дѣло въ томъ, что демонстраторъ аппарата для комизма заставилъ синемаграммы вращаться въ обратномъ порядкѣ,—сзади напередъ.

Получались картины, на которыхъ невозможно было смотрѣть безъ улыбки: все начиналось кон-

домъ и оканчивалось началомъ.

Вотъ, наприимѣръ, завтракъ. Мужъ и жена за столомъ. Передъ ними пустыя тарелки.

Они берутъ ложки, подносятъ ихъ ко рту,—изъ рта ложка наполняется супомъ.

Этотъ супъ выливается на тарелки.

Эта манипуляція съ жадною поспѣшностью продлывается десяткіи разъ.

Супъ въ тарелкахъ все прибываетъ, да прибываетъ.

Вдругъ мужъ поднесъ лѣвую руку ко рту, пожевалъ и вынулъ оттуда корочку хлѣба.

Затѣмъ эта корочка опять подносится ко рту, изъ нея извергается кусокъ мякиша и прилетаетъ къ ней...

Подбѣгаетъ задомъ собака. Облизывается, жуеть что-то.

Господинъ правой рукой етъ у нея изъ рта кусочекъ хлѣба и прикладываетъ къ той же коркѣ.

Хлѣбъ прорастаетъ...

Вотъ тарелки полны...

Содержимое ихъ выливается въ миску большою разливательною ложкой...

Подходить задомъ горничная и уносить ее...

Вотъ купанье: Мальчишки барахтаются, плаваютъ въ водѣ...

Вдругъ начинаютъ какъ-то странно нырять и задомъ выпрыгивать прямо изъ воды на мостки совершенно сухими.

Вотъ пожаръ: Чѣмъ больше пожарные высасываютъ насосами воду изъ горящаго дома, тѣмъ больше онъ разгорается...

Вотъ ужъ вся вода высосана... Домъ горитъ полнымъ пламенемъ...

Пожарные, какъ бы удовлетворившись результатомъ, бросаютъ его на произволь судьбы, а сами съ гиканьемъ, какъ на пожаръ, летятъ, сломя голову, къ себѣ въ часть...

Вернувшись домой, я раздѣлся, потушилъ свѣчу, но не могъ заснуть.

Прыгающіе задомъ мальчишки мелькали передо мной...

Тщето поворачивался я съ боку на бокъ,—сонъ отпрыгивалъ отъ меня, какъ резиновый мячикъ.

Вдругъ раздался странный стукъ. Я вздрогнулъ.

Ослѣпительнымъ кровавокраснымъ пламенемъ вспыхнула тѣма передо мною, я услыхалъ удушливо-ѣдкій запахъ «бездымныхъ» комнатныхъ фейерверковъ и увидалъ саркастическое лицо Мефистофеля.

— Тебѣ скучно! Пофилософствуй,—это помогаетъ. Хочешь, я покажу тебѣ человѣческую жизнь на изнанку, какъ въ сегодняшнемъ синемаграфѣ?..

Я молчалъ.

— Ты увидишь, мечтатель, что

ваша жизнь сзади—напередъ такая же пустая и глупая шутка, какъ и спереди—назадъ.

— Да, я хочу! Но это не будетъ такой глупой шуткой, какъ ты говоришь... Это будетъ сплошнымъ триумфальнымъ шествіемъ навстрѣчу молодости, красотѣ, счастью,—тому, что годы отняли у меня... Я, отчаянный пессимистъ, страстно хочу почувствовать, какъ мало по малу ворочаются мои прежнія вѣрованія, мысли, мечты, грезы, силы и любовь...

— Ты хочешь.. Ха-ха-ха.—Смотри, Фаустъ, не раскайся...

Я хотѣлъ что-то возразить, но языкъ не слушался. А неожиданный гость схватилъ меня за руку и воскликнулъ:

Смотри сюда! Видишь, кладбище... Все равно, гдѣ безконечность,—въ началѣ или въ концѣ... Видишь могильщиковъ... Вотъ они ползучаютъ на водку... Ха! ха! ха!.. Ваша жизнь сзади—напередъ начинается съ «на-водки»... Намъ кажется, что они дали на водку этой дамѣ въ черной вуали, но мы вѣдь видимъ все на изнанку... Ха! ха! ха!..

— Смотри, задомъ пятаются къ могилѣ отовсюду люди въ черномъ... Вотъ они окружили насыпь... Могильщики разрываютъ землю... Смотри, какъ они спѣшатъ... видно, что получили на водку... Ха! ха! ха!..

Я видѣлъ все это, какъ на яву: вся эта картина проектировалась, какъ на экранѣ, на бѣлой стѣнѣ моей комнаты.

А силпый, какъ у пьяницы грубый шопотъ Мефистофеля продолжалъ объяснять мнѣ чертовскую фантазмагорію:

—...Показался гробъ... Съ задомъ его вытаскиваютъ... Дама въ черной вуали дѣлаетъ видъ, что плачетъ... Господинъ въ черномъ фракѣ говоритъ рѣчь, которая сзади—напередъ кажется такой же глупой и лживой, какъ спереди—назадъ... Гробъ взвалили на катафалкъ... задомъ повезли домой... Видишь, всѣ пятаются задомъ и у всѣхъ такія физиономіи, какъ будто имъ жаль разставаться съ кладбищемъ... Ха! ха! ха!..

—...Видишь, покойникъ на столѣ... Его снимаютъ, раздѣваютъ, моютъ... кладутъ на кровать... всѣ смотрятъ на него съ любопытствомъ... Вотъ этотъ молодецъ въ черномъ—докторъ... Онъ вынулъ изъ кармана золотой и незамѣтно сунулъ его въ руку дамѣ въ черномъ... Она его благодаритъ... Видаль ли ты, чтобы доктора платили за визитъ?.. Полюбуйся!.. Ха! ха! ха!..

—...Не удивляйся, мы видимъ все на изнанку... Вотъ докторъ задомъ подходитъ къ кровати... Качаетъ головой... Беретъ покойника за руку, щупаетъ пульсъ... Видишь, покойникъ шевельнулся... докторъ беретъ шприцъ и вытя-



гивает имъ изъ-подъ кожи какую-то желтоватую гадость... Мертвецъ раскрываетъ глаза!.. Видаль ли ты, чтобы ваши доктора такъ славно помогали?.. Смотри, съ какимъ ужасомъ смотрятъ всё окружающіе на живого мертвеца... Ха! ха! ха!

—...Смотри, онъ то открываетъ, то закрываетъ глаза... а докторъ вытягиваетъ да вытягиваетъ у него изъ-подъ кожи желтоватую гадость и переливаетъ ее въ пузырекъ... Больному все лучше да лучше... А докторъ зловѣще качаетъ головой. Смотри, окружающіе одинъ за другимъ пятятся къ двери... Они покидаютъ комнату: живой, выздоравливающій, имъ болѣе не интересенъ... Ха! ха! ха!

— Смотри, остался только докторъ, да жена больного... Но вотъ и докторъ пятится къ двери... А жена... смотри, она подходитъ къ письменному столу... дуетъ на свѣчку... свѣчка зажглась... Поднесла руку къ пламени... Что за чертовщина—изъ пламени показалась обгорѣлая бумажка... бумажка растеть, растеть... Да, вѣдь, это завѣщаніе!.. Посмотри на больного: онъ все видитъ, только шевельнуться нѣтъ силы... Ха! ха! ха!

Быстро мелькнули одна за другой странныя, дикія картины и послѣ каждой изъ нихъ раздавался въ ушахъ моихъ дьявольскій хохотъ Мефистофеля.

Дѣйствующими лицами этихъ картинъ была все та же парочка: воскреснувшій мужъ и жена.

Скучныя картинки: жена все бѣгаетъ по лавкамъ и магазинамъ,—получаетъ деньги и привозитъ ихъ домой.

Цѣлый мѣсяцъ копить она эти деньги, а двадцатого числа отдаетъ ихъ мужу.

Мужъ увозитъ эти деньги въ казначейство.

Изрѣдка у нихъ бываютъ гости. Вечеръ начинаютъ съ ужина, или съ винта на изнанку: сначала бранятся, дерутся, платятъ другъ другу деньги и ужъ затѣмъ, наконецъ, обращаются къ картамъ.

Мало по малу я совершенно привыкъ къ тому, что все должно идти наоборотъ: вотъ первый поцѣлуй (по нашему послѣдній), который мужъ въ отсутствіи жены даритъ горничной, вотъ первая содержанка (по-нашему послѣдняя)...

Я привыкъ, и картины перестали меня интересовать.

А шопотъ, язвительный, хриплый шопотъ Мефистофеля такъ и проникаетъ въ мой мозгъ:

—...Смотри, вотъ свадьба на изнанку... Не правда ли, она похожа на разводъ?.. А разводъ былъ бы похожъ на свадьбу... Такъ все у насъ на землѣ похоже одно на другое, если знать, съ которой стороны взглянуть на дѣло... Ха! ха! ха!

—...А вотъ, видишь, признание въ любви... Посмотри, съ чего оно началось!.. Фи!.. какая гадость!.. не правда ли, Фаустъ?..

— Но... Мефистофель... вѣдь это бываетъ уже потомъ... послѣ свадьбы...—перебилъ я его съ недоумѣніемъ.

— Ну, не всегда, mon cher!.. А вотъ начались и объятія, и лоб-

занія болѣе невиннаго свойства... А вотъ и «первый», по вашему, поцѣлуй... Дальше мы увидимъ, сколько такихъ «первыхъ» поцѣлуевъ она и онъ разсовали до этого другимъ... Ха! ха! ха!

А картины мелькали. Съ каждой изъ нихъ «онъ» и «она» молодѣли, хорошеѣли, розовѣли и дѣлались наивнѣе.

—...Теперь все пойдетъ по-вашему, «первое»... Вотъ первое паденіе съ горничной... вотъ первая взятка (намъ кажется, что онъ далъ, а на самомъ дѣлѣ онъ взялъ)... вотъ еще первая взятка (намъ кажется, что онъ взялъ, а на самомъ дѣлѣ онъ далъ)... вотъ онъ впервые подаетъ галоши его превосходительству (намъ кажется, что снимаетъ)... Вотъ первое жалованье на изнанку!.. Не правда ли, вѣдь ты хотѣлъ бы все снова пережить?.. Вѣдь, это интересно?.. Поучительно?.. Ха! ха! ха! Бѣдный Фаустъ!..

Но у меня уже закружилась голова. Промелькнули гимназическіе выпускные экзамены, промелькнула пора классической зубрежки...

Впередъ... впередъ...

Аппаратъ не останавливается ни на мгновеніе!..

Вотъ школа!.. Учитель дерется, ученики дерутся. Вотъ домъ. Отецъ дерется, мать съ отцомъ дерется...

Скорѣе, скорѣе!.. скучно... надѣло...

Я даже закрылъ отъ утомленія глаза...

—...Ну, теперь смотри внимательно... Теперь самый серьезный моментъ во всей этой жизни на изнанку... Вы называете его рожденіемъ... Видишь этотъ красный барахтающійся комочекъ мяса?.. Вотъ акушерка несетъ его къ тазу... покрываетъ какой-то грязною слизью... кровью!.. кровью!.. смотри, этотъ комочекъ кладутъ на акушерскіе щипцы... Вотъ этотъ господинъ въ черномъ березно понесъ его къ кровати, гдѣ рыдаетъ больная женщина!.. Смотри, съ какимъ глупымъ недоумѣніемъ взглянула она на этотъ красный барахтающійся комочекъ... Смотри... смотри... Ха! ха! ха!.. Бѣдный Фаустъ!..

—...Ха! ха! ха!.. А черезъ девять мѣсяцевъ этотъ комочекъ обратится въ ничто!.. А тамъ—безконечность... Все равно, гдѣ безконечность,—въ началѣ или концѣ... Ха! ха! ха!.. Если ты философъ,—философствуй!..

Раздался оглушительный трескъ. Вспыхнулъ кровавокрасный бенгальскій огонь... Я вздрогнулъ отъ неожиданности и проснулся...

Но въ ушахъ моихъ и сейчасъ раздается дьявольскій хохотъ и слова:

— Если ты философъ,—философствуй!..

Н. ШЕБУЕВЪ.

ВЕЧЕРНЯЯ УЛИЦА.

(КАРТИНКА)

Меркнетъ сѣрый сѣверный день.

Заливаются вечернія улицы гуломъ и огнями.

Пронесутся рыскаки и коляски, увлекать обезумѣвшихъ людей къ пьяному говору и пьянымъ ласкамъ.

Увлекаетъ въ игорные притоны.

Улицы яростно стонутъ, прекратившаяся тяжелая толпа людей.

Окна и витрины дышатъ пламенемъ, а люди жадной послѣднего разгута.



Жажда—рожденная отчаяньемъ!
Вечерняя женщины, выходя изъ сумрачныхъ воротъ, бродятъ въ толпѣ и назойливо пристають къ прохожимъ.
Въ жаждѣ хлѣба и сытаго сна.
Выходятъ... то—запуганная, то—наглѣ въ яркіхъ платьяхъ и шляпкахъ.
Съ каждымъ днемъ растутъ ихъ вереницы...

Голодь, неумолимый жестокой голодь выметаетъ ихъ изъ темныхъ окраинъ на озаренная электрическимъ свѣтомъ, центральная улицы.
Изъ закрытыхъ и закрывающихся фабрикъ и заводовъ.
Жажда, острая мучительная жажда яркой обезпеченной жизни и наслажденія гонитъ ихъ на эти улицы изъ модныхъ мастерскихъ и магазиновъ.
Ихъ отцы и братья чахнутъ отъ безработицы, гаснутъ въ заточеніяхъ и ссылкахъ, виснутъ на висѣлицахъ, а онѣ, доведенныя до послѣдняго отчаянія, продаютъ еще не изглодавшееся въ концѣ молодое тѣло...

Кудрявая дѣвушка, почти ребенокъ, съ наивнымъ, слегка испуганнымъ лицомъ догоняетъ рослаго офицера.
Порванались.

— Пойдемъ!—угадываю по движенью губъ молодой дѣвушки, и офицеръ беретъ ее подъ руку.
Спустя минуту, гулкая пролетка увлекаетъ ихъ за уголъ.

Кудрявая головка мелькнула и скрылась.

* * *

Иногда на тротуарѣ, среди вечернихъ женщинъ, замѣтно большое волненіе. Пытаются скрыться въ воротахъ... Ихъ задерживаютъ нагле люди съ насмѣшливыми лицами, въ приличныхъ пальто и котелкахъ.

Отправляютъ куда-то съ дворниками... — Облала!—слышу испуганный, едва долетающій голосъ.

Кто-то смѣется въ догонку и цинично шутитъ.

Газъ шипитъ. Окна отбрасываютъ снопы свѣта. Грохотъ пролетокъ. Непрерывный, безнадежный... Жутко.

А коляски пронесутся, унося обезумѣвшихъ людей въ театры, рестораны, игорные дома...

Къ пьянымъ ласкамъ и пьяному говору...

ЯКОВЪ ГОДИНЪ.

Желая дать возможность читателямъ отдохнуть отъ проклятыхъ воросовъ хоть бы на праздничкахъ, откладываю анкету до слѣдующаго номера. Въ № 15 будутъ помѣщены письма женщинъ по половому вопросу.



ИРОДИАДА.
ПОЭМА
Н. ШЕБУЕВА

ПѢСНИ ПѢСНЕЙ.

Оглянись, оглянись, Суламитягиня, оглянись,—и мы посмотримъ на тебя. Что намъ смотреть на Суламитя, какъ на хороводъ Моанайский?

2. О, какъ прекрасны ноги твои въ сандаляхъ, дщерь именитая! Окружены бѣдръ твоихъ—какъ ожерелья, дѣло рукъ искуснаго художника!

3. Животъ твой—круглая чаша, въ которой не истощается ароматное вино; чрево твоё—ворохъ пшеницы, обставленный лилиями.

4. Два сосца твои, какъ два колена, двойни серны;

5. шея твоя—столпъ изъ слоновой кости; глаза твои—озеро Евсевонскія, что у воротъ Батрабима; носъ твой—башня Ливанская, обращенная къ Дамаску;

6. голова твоя на тебѣ, какъ кармичъ, и волосы на головѣ, какъ пурпуръ; царь увлеченъ твоими кудрями;

7. какъ ты прекрасна, какъ привлекательна, возлюбленная твоею милостью!

8. этотъ станъ твой похожъ на пальму и груди твои на виноградныя кисти.

9. подумалъ я: влѣзъ бы на пальму, ухватился бы за вѣтви ея; и сосцы твои были бы вѣсто кистей винограда, и запахъ отъ ноздрей твоихъ, какъ отъ яблоковъ;

10. уста твои, какъ отличное вино.

ПѢСНЬ ПѢСНЕЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1.

Занялась заря востока и рассыла туманъ,
И предъ Иродомъ Антипой Иудей встали горы;
И Эброна мрачный куполь, и Эсколь, покрытъ гранатами...

Виноградники Сорэка... И холодный Иорданъ...
Море Мертвое. Пустыня... Все, куда хватаютъ взоры,
Все затеплилось, зардѣлось подъ лучами красноватыми.

2.

Занялась заря. На крышѣ неприступнаго дворца,
Средь бойничныхъ стѣнъ и башенъ Махеруаской цитадели,
Этой выросшей надъ бездною на скалѣ твердыни каменной,

Онъ стоялъ, тетрархъ Антипа. И черты его лица

Нынче кажутся угрюмой. Очи звѣря въ даль глядѣли
Съ нескрываемою тревогой и съ надеждой хищно-пламенной.

3.

Тамъ у моря станъ раскинуть арабскаго царя,—
Дочь его была женою, но тетрархъ ее отринулъ,
Чтобы жить съ женою брата своего, Иродиадою,—
Оскорбленный грозный деспотъ, жаждой мщенія горя,

Вотъ ужъ девять лѣтъ изъ ноженъ мечъ отравленный свой вынулъ,—
Девять лѣтъ война ведется съ арабскаго номадою.

4.

Все вокругъ грозить возстаньемъ, если не поможетъ Римъ
И Вителлій не поспѣетъ. Ждетъ его со дня онъ на день,
Почему проконсулъ медлитъ. Можетъ, тутъ коварство скрытое.

Можетъ, Ирода Тиверій хочетъ замѣнить другимъ.
И впивается въ дорогу взоръ тетрарха, безотраденъ,
И въ душѣ его проснулось предсказанье позабытое...

5.

Предсказанье Иоанна—иудейскаго волхва.
Помнитъ онъ, въ какой тревогѣ и въ какомъ смущеннѣ странномъ
Онъ прослушалъ въ Галаадѣ эти крики изступленные,
Эти рѣжущія рѣчи, эти жгущія слова.
Помнитъ онъ, въ какомъ безсильи онъ стоялъ предъ Иоанномъ,
Онъ—тетрархъ, Иродиада, и рабы, и приближенные...

6.

—«Горе вамъ! Тебѣ, Антипа, и тебѣ, Исавель!..
Заглушилъ тетрарха совѣтъ алдскій скрипъ твоихъ сандалій.
Ты ржала, какъ кобылица, трепеща отъ скотской похоти!

На верху горы священной водрузила ты постель:
Тамъ свои приносишь жертвы вавилонскихъ вакханалій!..
Заглушила стыдъ тетрарха въ гингръ, кроталъ, кимваловъ грохотъ!

7.

Но великій день настанетъ! Все сорветъ съ тебя Господь:
И запястья съ рукъ, и серьги изъ ушей, и съ ногъ браслеты...
Этотъ серпъ изъ яркихъ камней, на челѣ твоёмъ сверкающій,
И пурпурныя одежды, облекающія плоть,
Зеркала и опახала, что рабынями воздѣты
Надъ главою твоею,—отниметъ все Господь рукой карающей!..

8.

И сапфиръ, въ зубахъ горящій, и сосцы твоихъ груди—
Все сорветъ,—всѣ чары нѣги, вавилонская блудница!
Ты застонешь, ты завоешь, но не встрѣтишь угбшенія,
Чтобъ побить тебя, не хватить въ Махерузѣ всемъ камней.

Проклята ты! Проклята ты! Будешь издыхать, какъ псца...
Пресмыкаться будешь! Богу вонь мерить кровосмѣшенія!..

9.

—«Вонь мерзить кровосмѣшенія!..»—тихо повторилъ тетрархъ:
«Словно жизнь угодныхъ Богу съ властью плоти не знакома!
Развѣ Лотъ не наслаждался тѣломъ, ласками дочерними,—
Стыдъ отца на ложѣ дочерей позабывшій патриархъ!

А Аммонъ съ своей сестрою! А примѣръ Авессалома!
Развѣ жень отца не дѣлалъ страсти жертвами вечерними!

10.

Развѣ патриархъ Иуда жертвой похоти угѣхъ
Не избралъ себѣ невѣстку. Развѣ жизнь царя Давида,
Соломона, Ноя, Сима плотской не полна усладою.
Вонь мерзить кровосмѣшенія! Пусть кровосмѣшенье грѣхъ,
Но для Бога Ноя, Лота не большая въ немъ обидя...
Ну... а всетаки покончить надо мнѣ съ Иродиадою!..

11.

Не она-ль причиной явной бѣдствій всѣхъ моихъ была:
Не ея-ль виной и этотъ стыдъ войны девятилѣтней,
Не за связь ли съ ней я жгуче ненавижу Иудеями;
Не ея ли братъ Агриппа причинить мнѣ столько зла
У Тиверія престола нынче—завтра можетъ сплетней!..
Цезарь злобенъ, но доврѣчивъ, а особенно съ злодѣями!..»

12.

День вставалъ и проспался знойный Иерусалимъ.
Словно мѣлъ, бѣла пустыня, облизую рѣжетъ око.
Иудейскихъ горъ вершины тухнутъ: Энгадди съ отрогами,
И Эсколь, Эбронъ и Газеръ зеленѣющей за нимъ...
Море Мертвое сверкаетъ—перль лазоревый востока...
И съ тоской слѣдитъ Антипа за прибрежными дорогами.

13.

Варугъ онъ слышитъ за стѣною ткани нѣжныя шуршагъ!
Перламутровыхъ сандалій зазѣвились звуки скрипа—
То вошла Иродиада:—«Здравствуй, Иродъ, уже встала я,
Чтобъ тебя поздравить,—новость: намъ не страшень больше братъ:
Императоромъ посаженъ онъ въ темницу!..»
—«Да,—мой братъ!»—«Возможно-ль это!»—Радость для меня не малая!..»

14.

Если-бъ зналъ ты сколько денегъ, сколько хитростей, интригъ,
Сколько нанятыхъ кліентовъ, сколько тайно вскрытыхъ писемъ,
Перехваченныхъ доносовъ стоить мнѣ его паденія.



Если-бъ зналъ, какъ не давался торжества медвяный мигъ,
Но теперь шпіоны трона и Евтихий, и Анисимъ
Мной подкуплены. Самъ Цезарь намъ не страшень безъ сомнѣнія!..

15.

Это я сгубила брата. И за то награды жду.
Головою Иоанна ты заплатишь,—вотъ награда!
—«Иоаннъ... Его не бойся... Онъ въ темницѣ подземля

Спрятанъ мной. Но онъ мнѣ нуженъ. Я имѣлъ его въ виду...
У него въ народѣ сила...»—«Ты безславья Галаада
Позабилъ, но я ихъ помню!.. Смерть ему!»—
«Я жду Вителлія.

16.

Завтра... Послѣ о наградѣ мы съ тобой поговоримъ...
Все, что хочешь, но не это... Этотъ волхвъ для дѣла нуженъ...»
—«А награда мнѣ не дѣло! Иль награды не достойна я!..
Иоаннъ народъ волнуетъ,—какъ на это взлелеялъ Римъ?
Иоаннъ властей ругаетъ, а тетрархъ съ нимъ нѣженъ, друженъ...
Знаю... Ты его боишься... Трусовъ Ироду пристойная.

17.

Весь твой родъ Эдома сволочь, природенные рабы,
Данъ плативше Іудѣ со времени царя Давида,
Претерпѣвшие изгнанье изъ Геброна Маккавеями...
О, когда-бъ я раньше знала, не связала бы судьбы
Я своей съ судьбой Антипы. Что для Иродиады обидя!
Бойся черни иудейской, лебези предъ фарисеями!

18.

Будь съ предателемъ уступчивъ, попадайся на обманъ,
Трусъ Вителлія и Авла,—это Ирода искусствомъ!
Что, молчишь!.. Отворогися!.. Съ любопытствомъ въ даль оставился...
Есть тамъ, чѣмъ полюбоваться,—это арабскій станъ...
Можетъ, къ арабскій дѣвкъ разгорѣлся снова чувствомъ...
Съ ней опять пожить желаешь? Черствый хлѣбъ ея понравился,

19.

Испеченный подъ золою? Молоко ея овцы?
Что-жъ, вернись въ ея палатку, принеси ей покаянье,
Тамъ отецъ и дочь поймаютъ съ распростертыми объятями!

Щеки сизая лобзай ей, темнобурые сосцы!..
Дѣвка Ирода достойная!..» Недвижимъ, какъ изваянье,

Онъ стоялъ, не раздражаясь все растущими проклятиями.

20.

День сиялъ. Горячій вѣтеръ доносилъ сѣрнистый паръ—
Моря Мертваго дыханье, все мертвя вокругъ. Разсѣ-
линь,
Горныхъ скатовъ, безднъ и камней очертанья зно-
емъ скованы.

Верхъ Антоніевой Башни опалилъ лучей пожаръ,—
Энгадди съ Эброномъ выжегъ. Только Газеръ
блѣдно зеленъ,
Да Соракъ... Но не на горы смотритъ Иродъ
очарованный.

21.

Надъ одной изъ крышъ сосѣднихъ увидаль въ сияньи
дня
Грезу лѣтъ минувшихъ—дѣву. Римской гражданкой
одѣта
Въ легкотканную туннику, въ пеплумъ съ синими
полосками.

Надъ большими коробами стройный станъ свой
наклона,
Вынимаетъ украшенья, ткани разной формы,
цвѣта.
Ленты, пояски, подвѣски, чешуясь, сверкаютъ
блестками.

22.

Но сама она сверкаетъ ярче тканей и камней.
— «Кто она?» — не воздержавшись, онъ спросилъ
Иродиаду.

— «Мнѣ нѣтъ дѣла до прѣбѣжихъ!» — словно нехотя
отвѣтила

Та и въ глубь дворца спустилась. — «Онъ спро-
силъ меня о ней...
Очарованъ Соломіей ужъ по первому онъ
взгляду...»
И въ очахъ Иродиады торжество и злоба свѣ-
тила:

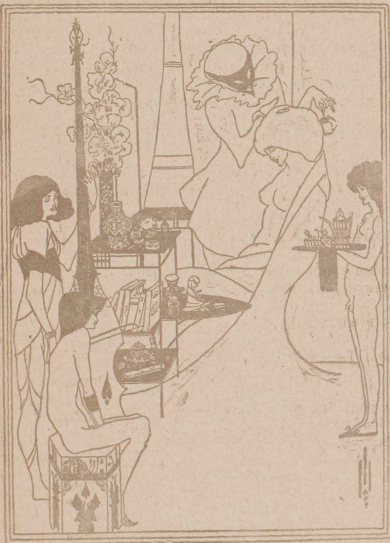
23.

— «Значитъ, планъ мой уадеаъ. Мой онъ снова нако-
нецъ.

Дочь моя—неотразима... Я была такой когда-то...
О, въ ея года я тоже силой чаръ была всесилоною...»
А тетрархъ стоялъ въ раздумьи. Вдругъ тре-
вога—рабъ-гонецъ.
Весь въ пыли... упалъ... — «Вителлій» прохрипѣлъ...
Исполненъ свято
Долгъ гонца: уста сомкнулись нѣмотой на вѣкъ
могилюю...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

— «Гостю нежданному, вѣчно желанному,
Внуку Вителлій—свѣтлой богини,
Богородицаго Авла отцу,



Мнѣ во спасенье Тиверіемъ данному,
Гордой опорѣ сирійской твердыни,
Славному конскихъ ристалищъ борцу,

2.

Клитовъ строптивыхъ грозѣ—побѣдителю,
Воину, доблесть чья неоспорима,
Мужу, которому равнаго нѣтъ,
Патриціанскихъ традицій носителю,
Цезаря другу, проконсулу Рима,—
Люцію Виктору—низкій привѣтъ!...»

3.

Къ пышныхъ носилокъ пурпурному стремени
Иродъ Антипа упалъ на колѣни,
Выкрикнувъ съ лавосомъ грубую лесть:
— «Гость драгоцѣнный, прости мнѣ, что времени
Я не имѣлъ для раздана вѣлній,
Чтобъ оказать тебѣ царскую честь!»

4.

Ирода лесть заставляетъ Вителлія

Тѣмъ же отвѣтитъ: — «Къ чему оправданья!
Развѣ впервые я въ домѣ твоёмъ:

Ирода домъ—домъ пировъ и веселія,—
Вѣчно привѣтны дворцовья зданья
Жду я не царскій, а братскій пріемъ!

5.

Иродъ Антипа—гордись предъ потомками:
Имя твое не боится утраты,—
Памятникъ твой каждый—Августу храмъ!...
Развѣ у насъ именами столь громкими
Лѣтопись Рима и міра богата?
Имени жизнь—пріобладаетъ къ богамъ».

6.

Вышелъ и Авль въ тогѣ съ желтой каемкою,
Юноша толстый съ лицомъ угреватымъ:
— «Ты не сердись на меня, старина,
Если свое я привѣтствіе скомаю:
Ирода всѣ называютъ богатымъ,—
Ergo, bibamus!.. Давай намъ вина!»

7.

— «Чудный привѣтъ! узнаю остроумнаго
Богородицаго Авла! Амфору
Благостныхъ винъ тебѣ полная ждуть!
Что-жъ до богатствъ моихъ—вымысла шумнаго
Басни они. Самъ слыхалъ я, что горы
Золота здѣсь... Но... увылъ... люди лгутъ!»

8.

Люція губы скривились усмѣшкою,
По двору двинулся, ликаторъ свитой,
Символомъ власти своимъ, окруживъ:
«Ergo, bibamus!.. Чего же я мѣшаю...
Врядъ ли богатства твои яловитой
Сплетней окажутся. Я пораженъ,

9.

Вида сияне за той колоннадою!..»
Авль закричалъ. На царей Вавилона
Пышною встрѣчи тетрархъ походилъ.
Евнухи, дѣвы предъ Иродиадою
Шли въ блестящъ ризъ изъ парчи и виссона.
Въ дымѣ курильницъ и дымѣ кадиль,

10.

Вся облаками густыми облитая,
Иродиада казалась святою,
Съ неба сошедшей для встрѣчи гостей.
— «Не удивлюсь, коль окажется скрытою
Золота куча подъ каждой плитою!
Право! Клянусь вамъ прабабкой моею!»

11.

Этотъ мальчишка—карьеръ Вителлій—
Цезаря бывшій надюжникъ, обжора,
Пьяница Ирода началъ смущать:
— «Иродъ, тутъ нѣтъ у тебя подзаемелій
Отъ моего не упираться взоромъ!
Авль сталь по камнямъ ногою стучать.

12.

— «Браво! Нашель!.. Вотъ тетрарха сокровища!..
Слышишь, какъ стукъ отлаеаъ тамъ глухо:
Здѣсь подзаемелье! Здѣсь Ирода кладь!..»
Иродъ смутился: — «Здѣсь—рабъ... здѣсь—чудо-
вище...
Страшный преступникъ!..» — «О, нѣтъ... мое ухо
Слышитъ, какъ тамъ золотые бренчатъ!»

13.

— «Небомъ клянусь!..» — «Ни за что не повѣрю я...»
— «Важный преступникъ!..» Антипа бормочетъ.
— «Ну, покажи намъ!.. Такъ что-жъ ты смущень?
Этого хочеть любимецъ Тиверія...
Я такъ хочу и проконсулъ такъ хочеть!..»
— «Сына желанье, Антипа,—законъ!..»

14.

— «Тутъ челоувѣкъ... осужденъ за безбожіе...»
Иродъ далъ знакъ,—и отвалены плиты,
Спускъ въ подзаемелье крутой обнаживъ.
Вздохи, на звѣря урчанье похоже,
Снизу раздались.— «Ну, видишь... вели ты
Снова закрыть!.. Онъ недвиженъ... Чуть живъ!..»

15.

— «Горе вамъ. Горе, кимвалы звенящія,
Вамъ, фарисеи, и вамъ, саддукеи,—
Дутия спеси! Исчадія змѣи!
Черви ползущіе! Трупы смердящіе!
Горе тебѣ, о народъ Іудей,
Землю мерзавщій измѣной своей,

16.

Горе вамъ, въ тучныхъ долинахъ живущіе!..
Вамъ, эфраимскія пьяницы, горе,
Брюхо свое отягчившимъ виномъ!
Трупы смердящіе. Черви ползущіе,
Въ чревоутопя и блуда позорѣ...
Горе вамъ! Близится мщенія громъ!

17.

Да расточатся водой изсякающей,
Кущей горящей, жены недоноскомъ,
Коему въ чревѣ изжить суждено.
Мечъ занесенъ надъ Моавомъ карающій,
Домъ разнесеть онъ по камнямъ и доскамъ,
Онъ истолчетъ васъ, какъ въ ступѣ зерно.

18.

Какъ шелуха, упадутъ ваши крѣпости!
Клочья разбросаны вашего мяса
Будутъ по безднамъ, по кручамъ, горамъ!
Нѣтъ Его гнѣва предѣла свирѣпости!
Ждите, проклятые, суднаго часа!
Горе, живые и мертвые, вамъ!..»

19.

Воздухъ кипѣлъ раскаленнымъ криками.
Голосъ узнавъ своего Іоанна,
Бросивъ работы, сбѣжался народъ,

Въ страхѣ стоятъ съ искаженными ликами.
Слышится шопотъ: — «Осаанна, Осаанна.
Это Мессія... Мессія пріидеть!..»

20.

Голосъ пророка сталь тише. Пѣвучія
Сладкія, свѣтлыя слышатся ноты:
— «Кайтесь. Приблизилось царство Его,
Царствіе милости, благополучія!..
Онъ снизойдетъ, изливая щедроты
Освобожденья для міра всего.

21.

«Небо блеститъ непреходимымъ сиянемъ!..
Въ мертвой пустынѣ зардѣлись розы...
Рѣки млека протекли между скаль...
Въ брачныя всѣ облечились одѣянія...
Гроздья тягчатъ виноградная лозы...
Яства вокругъ, чтобъ никто не взалкалъ!..»

22.

Вижу младенца въ пещерѣ драконовои...
Вспыхла звѣзда необычнаго вида...
Вотъ на закланье влекома она...
Царству блудницы конецъ вавилоновои!..
Кайтесь! О, кайтесь! Грядеть сынъ Давида!
Царству Давида не будетъ конца!..»

23.

Иродъ вскипѣлъ: прозвучала угрозою
Держкая рѣчь о Давидовомъ сынѣ,
Крикнулъ: — «Молчать!» онъ и топнулъ ногой.
Иродиада съ застышею позою
Мертвой казалась. Рабы и рабыни
Въ страхѣ недвижны. И дымъ дорогой

24.

Стелется по полу пышной кадильницы.
Люцій Вителлій въ молчаньи внимаетъ
Плавнымъ, безстрастнымъ словамъ толмача:
— «Мнѣ замолчать!.. Нѣтъ, я крикомъ ропиль-
ницы

Буду вопить, что впервые рожаеть,
Криккомъ онагра, медвѣдемъ рыча!

25.

Въ идольскихъ капищахъ ждешъ утѣшенія!
Въ золотѣ сердце твое утонуло!
Душишь народъ свой пятою поправя!
Богу ты мерзокъ: за кровосмѣшеніе
Ты ужъ наказанъ безплодіемъ мула!
Проклятъ ты! Проклятъ, безбожный Ахавъ!..»

26.

Гингры, литавры, кимвалы съ кроталами,
Въ тысячи разъ даже грохотъ умножа,
Скрипъ преступлений твоихъ не слышатъ!
Тысяча тысячъ рабынь съ опахалами
Не опанутъ вонь отъ вашего лама:
Гады въ немъ, трупные черви кишатъ!..»

27.

— «Будеть! Закройте темницу чудовища! —
Властно промовилъ проконсулъ Вителлій:
— «Авль, убѣдился, что Иродъ былъ правъ!..»
— «Видѣлъ, какія скрываетъ сокровища —
Иродъ въ своихъ тайникахъ подзаемелій.
Ergo, bibamus!.. милѣйшій Ахавъ!..»

ГЛАВА ТР ЕТЯ.

1.

Покраснѣлъ Эброна куполь, Энгадди съ его отрогами
Краской алою заката.
Тускнуть море, Іорданъ,—
Застилаеть ихъ туманъ.
Но движеньемъ все обѣято,—
То на пиръ спѣшатъ къ тетрарху и тропами, и до-
рогами:

2.

Фарисеи, саддукеи, Рима воины отважные
Греки, горы Ливанаго,—
Представители всѣхъ странъ,
Изъ Пальмиры самъ султанъ,
Южныхъ Каннъ, Іерихона,
Назарета, Аэндора, Махеруза гости важные.



3.
Канделябровъ и трикириѣ несгораемыми кушами
Всѣ сверкаютъ галлерей.
Чаши золота блестятъ,
Всюду статуи стоятъ.
Недовольны фарисеи
Изъявными ваханкою, арку входа стерегущими.

4.
Звуки гингрѣ, кроталѣ, тимпановъ въ шумный маршъ
сплелись торжественный
Воздухъ ладаномъ съ галбаномъ
Напоенъ, накурень весь,—
Ароматовъ этихъ смѣсь
Разлилась вокругъ туманомъ.
Утопаютъ въ раздушенныхъ лепесткахъ весь столъ
пиршественный.

5.
Начать столъ тремя большими изъ слоновой кости
ложами
Съ изумительной рѣзбою.
Друга-деспота дары—
Вавилонскіе ковры—
Сверху спущены, собою
Образуя павильоны. Съ раззолоченною кожею

6.
Тамъ и тутъ звездъ подушки, пуфы, валики прилажены.
Возлежитъ Антипа мирно,
Дядею увѣнчанъ.
На ланитахъ—слои румянъ,
Голубою пудрой жирно
Старца волосы покрыты, завиты и напомажены.

7.
Онъ въ плащѣ тяжеломъ черномъ съ разноцвѣтными
накладками.
Отъ него Вителлій влѣво,
Званьемъ консула гордятся,—
Символь власти—перевязь
Покрываетъ грудь и чрево.
Тога бѣлая льняная разлилась по ложу складками.

8.
Рядомъ Авль богоподобный въ ризѣ шелковой си-
ренивой:
На груди отвисшей, голой,
Бабьей толще и жирнѣй,
Ожерелье изъ камней
Искрится игрой веселой.
Онъ обжора. — «Ну, гастрономъ, благость винъ и
явствъ оцѣнивай!»

9.
Но о томъ проситъ излишне юноша богоподобнаго,—
Онъ всегда поѣсть до рвоты:
За коммагенскій паштетъ
Принялся, ни силы нѣтъ
Оторваться, ни охоты,
А не лѣзетъ, какъ ни бьется Авль—большой люби-
тель сдобнаго.

10.
Соловьи, дрозды, синицы, бѣлки, серны, зайцы, кро-
лики,—
Всѣ сорта и виды мяса
Подавали безъ числа.
Даже дикаго осла—
Кушанье царя Мидаса.
Авль всего, всего отвѣдалъ и почуялъ спазмы, ко-
лики.

11.
А пока мутить и тянеть юноша богоподобнаго,
Спортъ великій разгорѣлся,
Фарисеями начатъ,—
Всѣ примкнуть къ нему спѣшатъ,
Кто напился и наѣлся,—
О возможности для смертныхъ міра новаго, заgrabнаго.

12.
Отвергать души безсмертье — это тема очень модная
И пикантная отчасти.
А пока струится споръ,
Изъ раскрашенныхъ амфоръ,
Вазодураживая страсти,
Тамарисовыхъ, сафетскихъ винъ струя бѣжитъ холодно-
ная.

13.
Тамъ и тутъ раскрылись души. Грекъ, снявъ маску
лицемѣрія,
Надъ религіей хохочетъ.
Богохульствуетъ мытарь...
Саддукей брызжитъ, какъ встарь...
Персъ склонить еракийца хочетъ
Въ вѣру сладостную Митры... Фарисей бранитъ Тиверія,

14.
Наклоняся къ сосѣду близко, чтобъ шпионы не про-
вѣдали...
Тамъ поетъ слѣпой германецъ
Гимнъ въ честь родины своей.
А какой-то назарей
Про Христа твердитъ: — «Посланецъ
Бога онъ. Чудесь не мало совершаетъ!» Но сосѣда ли

15.
Убѣдить онъ сладко дремлетъ. Авла рветъ богоподоб-
наго.
Кончивъ актъ благополучно,
Ищетъ, что-бъ еще поѣсть,
И оказываетъ честь
Розовымъ дроздочкамъ. Скучно
Лишь Вителлію... Съ возглавья ложа своего удобнаго

16.
Онъ собраніе обводитъ все презрительными взорами.
Всѣ шумятъ, гудятъ, какъ шмели.
Вдругъ затихло все вокругъ.

То раздался рѣзкій стукъ
Тамъ, въ воротахъ цитадели.
Всѣхъ тревога охватила и затихли съ разговорами.

17.
Ночь черна. Эбронъ чуть виденъ. Энгадди съ его от-
рогами

Тусклъ. — Подобно мрачнымъ тучамъ
Наклонились до земли.
А вблизи и тамъ, вдали,
По утесамъ, безднамъ, кручамъ
Блещутъ факелы. То люди и тропами, и дорогами

18.
Ко двору спѣшать тетрарха. Крика мгла полна тре-
вожнаго:

— «Юанна! Юанна!
Нашъ онъ! Намъ подай его!»
Иродъ вспыхнулъ: — «Никого
Не впускать! Митгежъ неожиданно
Начался. Замкнуть ворота. Цѣпи снять съ моста до-
рожнаго!»

19.
И гостей его собранье загорѣлось жаркимъ ропотомъ:
— «Онъ пророкъ! Онъ богъ! Мессія!
Отпусти!» — кричатъ одни.
— «Нѣтъ, распни его, распни!
Онъ мутитъ народъ!» — другіе
Восклицаютъ. Фарисеи съ лѣной рта, съ крикливымъ
шопотомъ

20.
Обступили тронъ Антипы: — «Проповѣдуетъ безбожие
Этотъ дьяволъ! Въ наше время
Перепортить весь народъ!
Самъ безбожникъ ты, твой родъ.
Это иродово племя,

Отступило все отъ вѣры! Ты съ женою!» Кругло-
рожие,

21.
Какъ бульдоги, всѣ курносы, злые, красные и потные.
Люди они противны



Эти варвары. И онъ
Ужъ оставилъ ложе-тронъ,
Чтобъ уйти демонстративно.
Вдругъ раздвинулись портеры золотой трибуны плот-
ной

22.
И вошла Иродида: въ свѣчъ безчисленныхъ сіяніи,
Въ блескѣ витры изумрудной...
Драгоценная парча...
«Слава цезарю!» крича,
Кубокъ подняла и въ чудной
Дерзкой, гордой, властной позѣ замерла, какъ изъ-
явнѣе.

23.
И въ отвѣтъ подняли кубки Люцій, Иродъ и священ-
ники.

Фарисеи, саддукеи, —
Всѣ съ своихъ вскочили мѣстъ.
— «Слава Цезарю!» — Протестъ
Отразился бы на шеѣ:
Не отвѣтъ-ка «Слава Цезарю!» — тотчасъ угодишь въ
измѣнники!

24.
Вдругъ средъ гула ликования въ залѣ дѣва появилась
Въ дымокъ розовой вуали
И взбѣжала на помость,
Повторила тотъ же тостъ.
Гдѣ-то гингры зарыдали
Такъ тягуче, такъ пѣвуче. И она остановилась...

25.
Потянулась, оглянулась. Изъ-подъ дымки тюля сбро-
шенной
Вотъ блеснули очи... Пара
Халцедоновыхъ серегъ...
Кольца... Обручъ поперекъ...
Поясъ... Черные шальвары...
Мраморъ плечъ, руки и груди... Чернъ бровей, дугою
скошенной...

26.
И предъ Иродомъ предстала прежнихъ лѣтъ Иродида
доу

Саломея, Соломия
Въ блескѣ молодости чаръ...
Тѣхъ же яркихъ губъ пожаръ,
И овалъ лица, и шея...
И волосъ тяжелыхъ змѣи... Флейты робкою рудалоу

27.
Задрожали, побѣжали выше, выше... тамъ качаются
И подъ тактъ имъ такъ забавно,
Такъ лѣниво, такъ шутя
Шаловливое дитя
Закачалось плавно; плавно...
Покачнется, откачнется,—словно двѣ волны встрѣча-
ются.

28.
Вдругъ смѣнились звуки гингры безпокойными крота-
лами.
Словно страсть души коснулася,
Соломия ожила.
Словно чью любовь звала...
Вся навстрѣчу потянулася
Всѣми членами усталыми, зноземъ губъ, сосцами
альми.

29.
Упиваясь, опьяняясь мукой сладострастья томнаго,
То недвижной, слабой станеть,
Губъ любовника ища,
То забьется, трепеща,
Сильной встанеть, тѣломъ манить,
Вся полна огня исгомнаго—танца дикаго нескромнаго...

30.
Снова пляска измѣнилася, заплявавъ скачками стран-
ными;

То—мидійскій танецъ шарфа—
Вакханалія юницъ,
То—экстазъ индійскихъ жрищъ,
Эной нубійскихъ оргій. Арфа
Зарыдала. И тимпанами все гремитъ, хохочетъ пья-
ными.

31.
Все гремитъ, оретъ, плачетъ и въ оркестра адскомъ
хочетъ

Соломия въ блескѣ пьяномъ
Глазъ, серегъ, грудей, кольца,
Изступленнаго лица...
Все смѣшалось въ вихрѣ рьяномъ...
Въ гингрѣ, кроталѣ, тимпановъ хохотѣ—пляскѣ мяса,
пляскѣ похоти...

32.
Вдругъ она упала навзничъ. И движеніями разврат-
ными

Поползла, подобно змѣю,
Поясницей поводя,
Въ очи Ироду глядя.
— «О, ко мнѣ! О, будь моею!»
Стонетъ онъ, объятый страстью, и плачутъ щеки
пятнами...

33.
Но она опять кружится. Въ оглушительной свирѣ-
лости

Весь оркестръ, какъ громъ, грохочетъ...
— «Не жалѣю ничего!
Дамъ поль-царства моего!
Пусть возьметъ она, что хочетъ!
Все возьми! Тивериаду, Назаретъ... Возьми всѣ крѣ-
пости!».

34.
А она, упавъ на руки, закачалась кверху пятками...
И спустились внизъ шальвары,
Ей лицо совсѣмъ закрывъ,
Чары плоти обнаживъ,—
Взоръ пьянѣя и бѣсѣя чары...
На рукахъ пошла, качаясь, трепеща шальваровъ
складками.

35.
А потомъ, вскочивъ на ножки, побѣжала къ изго-
ловію
Ироди Антипы ложа.
Улыбається, шутя,
И картавитъ, какъ дитя,—
На ребенка вся похожа:—
— «Дай мнѣ голову... на блюдѣ... Юанна... по усло-
вію»...

36.
И тогда гостей собранье разразилось шумомъ, шопо-
томъ.

— «Онъ пророкъ! Онъ богъ! Мессія!
Отпусти!»—кричатъ одни.
— «Нѣтъ, казни его! Казни!»
Онъ мутитъ народъ!»—другіе,
Обступивъ Антипы ложе, восклицаютъ съ бурнымъ
ропотомъ.

37.
Ничего не слышитъ Иродъ, весь объятъ пожаромъ
похоти,—

Палачу даль знакъ условный.
Блюдо взялъ и вышелъ тотъ.
И на мигъ замолкъ народъ.
Слышень храпъ густой и ровный,—
Авль заснулъ богоподобный въ гингрѣ, кроталѣ,
кимваловъ грохотѣ.

Н. ШЕБУЕВЪ.

Рисунки, которыми украшена эта поэма, заимствованы у
знаменитаго англійскаго иллюстратора Обри Винсента Берд-
слей. Онъ создалъ ихъ для англійской поэмы «Соломия». Русской публикѣ предстоитъ познакомиться съ этимъ ори-
гинальнымъ художникомъ по изданію «Шиповника».

ЭТЮДЫ.

Оперное представление учащихся в Петербургской Консерватории, состоявшееся 17 декабря, явилось блестящим результатом новых начал, проводимых в консерватории ее директором Глазуновым. Царило всеобщее одушевление у исполнителей.

Автономия, которую так ревностно защищают и оберегают учащиеся, сплотила их. У них появились общие художественные интересы. Близкое знакомство друг с другом способствовало лучше подобрать голоса и сплетать оперу.

Выбор выдающейся оперы Моцарта «Свадьба Фигаро» дѣлает честь руководителям спектакля.

Комедия Бомарше дает ряд разнообразных картин из беззаботной и распушенной жизни дворянства 18 вѣка. Много жизни, движения дают богатый материал ансамблей.

Веселая ирония преслѣдует героев комедии на каждом шагу и удачно гармонирует съ пластически красивым и свѣтлым творчеством Моцартовскаго гения.

Эта комедия впервые появилась на сценѣ въ 1784 году, а въ 1786 году Моцартъ уже ставит оперу на сюжетъ того же названия.

Видимо, весь характер комедии гармонировал съ настроеніемъ композитора. Если вѣрить либреттисту де Понте, композиторъ въ 6 недѣль написалъ всю оперу.

Она имѣла успѣхъ, несмотря на враждебныя отношенія нѣкоторыхъ пѣвцовъ, приверженцевъ Сальери, сознательно взявшихъ нѣсколько фальшивыхъ нотъ, чтобы провалить произведение.

Небывалый успѣхъ выпал на долю «Свадьбы Фигаро» въ Прагѣ.

Опера сразу выдержала тамъ нѣсколько представлений и Моцартъ, въ благодарность гостеприимнымъ чешскимъ друзьямъ, написалъ для нихъ своего «Донъ Жуана».

«Свадьба Фигаро» вмѣстѣ съ «Севильскимъ цирюльникомъ» Россини—двѣ лучшія комическія оперы, видѣвшія когда либо свѣтъ рампы.

Россини тоже захватила фабула «Свадьбы Фигаро» и онъ обрабатывалъ либретто. Но услышавъ въ 1-й разъ Моцарта, отказался отъ этой идеи изъ уваженія къ великому маэстро.

Его такъ поразило богатое мелодическое творчество Моцарта, что онъ часто говаривалъ: «изъ «Фигаро» можно сдѣлать 12 оперъ».

Намъ рѣдко приходится слышать эту прекрасную комическую оперу.

Изъ исполнителей ученическаго спек-

такля видѣлилась Иванова изъ класса Иванова-Смоленскаго. У нея хорошей голосъ мягкаго и пріятнаго тембра.

Бердникова обращаетъ вниманіе своими большими голосовыми данными.

Изъ мужскаго персонала отмѣтимъ голоса Брюнера, Шульгина и умѣлую игру Сойфера (Фигаро).

Ансамбли были мѣстами очень хороши, кой-гдѣ замѣчались дефекты.

Новый директоръ пользуется большими симпатіями и авторитетомъ въ ученической средѣ, такъ какъ проводитъ художественныя тенденціи въ консерваторіи, не въ примѣръ старому безвольному Бернгарду.

Послѣдній и былъ, говорили, выбранъ за отсутствіе воли, чтобы могли руководить имъ всѣ противоположныя партіи.

Его присутствіе, какъ и отсутствіе, рѣдко замѣчалось.

Онъ съ большимъ успѣхомъ могъ ѣздить за границу на открытіе памятниковъ и прочіихъ празднествъ, какъ официальный представитель высшаго учебнаго заведенія.

Вліяніе его на ходъ дѣлъ сказывалось только въ подписаніи и скрѣпленіи актовъ.

Бернгардъ такъ походил на своего брата, что остряки совѣтовали ему посылать того за себя, чтобы отсидѣть положенное число часовъ.

Ходила легенда среди учениковъ. Однажды случилась надобность въ директорѣ. Его не оказалось. Послали на домъ.

Вышедшій навстрѣчу членъ семьи всплеснулъ руками и воскликнулъ: «Неужели онъ вамъ нуженъ?»

На экзаменахъ Бернгардъ пробовалъ острить.

Эстетика не можетъ, собственно говоря, существовать, откровенно признавался онъ. Слово ess-the-tisch обозначаетъ столъ для ѣды и питья, а одновременно онъ не можетъ быть и тѣмъ, и другимъ. Или еще лучше примѣръ: въ комнатѣ жарко, хотя присутствуетъ Айсбергъ (ais—неправильное произношеніе слова Eis—ледь).

Никто не спрашивалъ, гдѣ надо смѣяться, но всѣ совѣтливо улыбались въ присутствіи самодовольно сияющаго директора консерваторіи.

V. СЕНИЛОВЪ.

Послѣдняя сходка въ консерваторіи постановила, чтобы совѣтъ профессоровъ выработалъ совместно со старостами программу предстоящаго чествованія Глазунова. Въ противномъ случаѣ рѣшено не дать ни ученическаго хора, ни оркестра въ распоряженіе профессуры.

МУЗЫКА

V. СЕНИЛОВА.



СИРЕНЬ.

СИРЕНЬ СКЛОНИЛАСЬ НА ОКНО,
ГЛЯДИТЬ ВЪ ОКНО.
ВЪ ВЕЧЕРНІИ СМРАЧЪ ТЕМНО,
СОВСѢМЪ ТЕМНО,
Я БРОСИЛЪ РОДИНУ СВОЮ,
СЕМЬЮ СВОЮ,
И ЗДѢСЬ ОТЧАЯННЕ ТАЮ
ВЪ ЧУЖОМЪ КРАЮ,
КТО МНУ ЛАСКОЙ ОБЛЕГЧИТЬ,
КТО ОБЛЕГЧИТЬ,

КОГДА ДУША МОЯ БОЛИТЪ,
ВЪ ТОСНѢ БОЛИТЪ,
КТО СКЛОНИТЬ ГОЛОВУ СВОЮ
НА ГРУДЬ МОЮ?
Я ЗДѢСЬ ОТЧАЯННЕ ТАЮ
ВЪ ЧУЖОМЪ КРАЮ,
БЫТЬ МОЖЕТЪ, Я ЗАБЫТЬ ДАВНО,
ЗАБЫТЬ ДАВНО
НОЧЬ ПОДОШЛА, ГЛЯДИТЬ ВЪ ОКНО,
ГЛЯДИТЬ ВЪ ОКНО.

СЛОВА

Я. ГОДИНА.

Andantino

Canto

Andantino

Piano

Сирень склонилась на ок-но, глядишь въ ок-но. Въ вечернѣ смрачъ тем-но, совсѣмъ тем-но. Я бросилъ родину сво-ю, семью сво-ю. И здѣсь отчаянне таю въ чужомъ краю. Кто мнѣ лаской обле-гчитъ, кто обле-гчитъ

ко-гда душа моя боли-тъ, въ тоснѣ боли-тъ. Кто склони-тъ голову сво-ю на грудь мо-ю? Я здѣсь отчаянне таю въ чужомъ кра-ю. Быть можетъ, я забы-тъ дав-но, забы-тъ дав-но? Ночь подошла, глядишь въ ок-но, глядишь въ ок-но.

a tempo

a tempo

Meno mosso

Molto rit.

ПЕРЕДЬ ВЪНЦОМЪ.

Сейчас непоправимый шаг свершится.—
Исполнятся завѣтныя мечты,
И дѣвственнаго сна она лишится,
И будутъ смяты вѣшныя цвѣты.
И въ новомъ свѣтѣ мѣръ глазамъ пред-
станетъ...

Жизнь женщины — двѣ вѣчности. Одна —
Туманъ, загадка. Разжигаетъ, манитъ,
Всегда отъ грѣзъ безумна и пьяна.
Но откроенна до конца другая,
Лишь страхъ и боль къ ней заражда-
ютъ входъ,

И только тотъ откроетъ двери рая,
Кто нѣжный станъ съ любовью обойметъ.
Падутъ передъ желаньемъ счастья платья,
Исполнятся завѣтныя мечты...
Но адъ иль рай откроютъ ей объятя—
Все-жъ будутъ смяты вѣшныя цвѣты...
ВЛ. ЛЕНСКИЙ.

ВЪ ГОСТИНОЙ.

Въ гостиной ждалъ роаяль раскрытый,
И свѣчи были зажжены...
Буалюю черною обвитый,
Портретъ склонился со стѣны
И взоромъ плачущей печали,
Изъ рамы золотой, сквозъ газъ,
На струны мѣдныя роали
Смотрѣли пятна темныхъ глазъ...
Рояль молчалъ... Изъ комнатъ дальнихъ
Врывался смѣхъ, стакановъ звонъ,
И въ лострахъ задрожавъ хрустальныхъ,
Смолкалъ... И длился странный сонъ...
Горѣли свѣчи похоронно,
И гробомъ высился рояль,
И кто-то, у стѣны склоненный,
Хранилъ надгробную печаль.
Сквозъ черный креплъ глаза смотрѣли
Въ раскрытый гробъ, гдѣ въ мертвомъ
снѣ

Всѣ струны жизни цѣпѣнбли,
Внимая смертной тишинѣ...
ВЛ. ЛЕНСКИЙ



ФЛИРТЪ.

(Рассказъ моего прѣтеля).

Мы случайно попали въ народный садъ,
полный праздничнаго оживленія, бала-
ганныхъ звонковъ и выкрикиванія, грома
духового оркестра и блеска бесчислен-
ныхъ разноцвѣтныхъ фонариковъ и лам-
почекъ.

Моей спутницей была молодая жен-
щина, свѣтловолосяя, изящная, шумящая
на ходу шелкомъ юбки, благоухающая
тонкими, аристократическими духами.
Ея стройная фигура въ черномъ платьѣ,
мягкія движенія, грудной голосъ дѣйстви-
вали на меня неотразимо и вызвали
грѣшныя мысли. Наши отношенія, уже
два мѣсяца находившіяся въ фазѣ легка-
го флирта, начинали раздражать и
утомлять меня, и я рѣшилъ въ тотъ же
вечеръ, во что бы то ни стало, добиться
опредѣленнаго отвѣта: да или нѣтъ...

Я искаса поглядывать на нее, и на-
ходилъ ее достойной желанія короля.
Среди грубой, пестрой, праздничной
публики сада она казалась королевой,
великодушно и милостиво согласившейся
посмотрѣть, какъ веселится ея народъ.
Но моя королева какъ будто немножко
боялась народа и, видимо, чувствовала
себя здѣсь одинокой и безпомощной.
Она пуливно принакала ко мнѣ плечемъ
и бездомъ и сильно прижимала къ своей
грудѣ мою руку, продѣвляю подъ ея ло-
коть...

Въ ногу, легко и стройно, шли мы
рядами балагановъ, я—склонивъ глаза и
жадно ловя появленіе изъ-подъ кружевъ
слегка приподнятыхъ юбокъ то одной,
то другой ножки, затянутыхъ въ высокіе,
желтые ботинки, она—откинувъ наза-
дъ голову съ качающимися вокругъ больш-
шой черной шляпы бѣлымъ страусовымъ
перомъ. Ея лицо было блѣдно, грудь
взволнованно колыхалась подъ газовой
тканью платья. Что-то новое для меня
было въ ея волненіи, которое мало по

малу овлаждало и мной... Весенний ли
вечеръ, одиночество ли наше въ этой
чужой толпѣ подбѣивали на нее—не
знаю. Такъ довѣрчиво никогда она не
прижималась ко мнѣ...

Напрасно доказываютъ опытные дон-
жуаны, что успѣхъ мужчины у женщи-
ны зависитъ только отъ его искусства
и настойчивости. Это положительно не-
вѣрно. Нерѣдко женщина уступаетъ,
благодаря какому-нибудь незначительно-
му внѣшнему обстоятельству, какъ об-
становка, время, музыка, цвѣты, духи,
температура воздуха, ничего незначащая
фраза. Какой-нибудь пустякъ дѣлаетъ
моментъ рѣшающимъ...

Для моей спутницы, очевидно, насту-
пилъ этотъ моментъ въ саду, но причи-
на его осталась для меня тайной. У меня,
правда, и не было особеннаго жела-
нія доискиваться ея. Я вѣль молодую
женщину черезъ садъ, пьянѣя отъ ея
близости, духовъ, шороха платья. Наша
игра, я чувствовалъ, близилась къ кон-
цу, и не все ли равно, что именно уско-
рило ея развязку?...

Намъ преградила дорогу площадка,
окруженная тѣснымъ кольцомъ зрите-
лей, глядѣвшихъ вверхъ. Тамъ, на фонѣ
черныхъ ночныхъ деревьевъ, между дву-
мя рядами висѣвшихъ на проволокахъ
большихъ японскихъ фонарей, качалась
маленькая канатная плясунья, подблески-
вая стеклярусомъ на малиновомъ бархатѣ,
облекавшемъ ея нѣжно-округлыя,
дѣвическія бедра. Тонкія руки и ноги,
обтянутыя розовымъ трико, казались
совсѣмъ дѣтскими, а молодое свѣжее ли-
чко задорно улыбалось, въ то время
какъ въ большихъ глазахъ темнѣла не-
подвижная мысль страха паденія. Вся ея
фигура и улыбка выражали радость вы-
соты, легкаго танца, своей красоты и
ловкости, а глаза все время думали: «а
что—если вдругъ упаду?»...

И смотрѣть на нее было жалко и
жутко...

На высотѣ двухъ саженей отъ земли,
она стояла на срединѣ каната, и мѣрно
раскачивая его, мелькала въ воздухѣ,
какъ маятникъ, и два красныхъ вѣера,
которые она держала въ рукахъ, дѣла-
ли ее похожей на бабочку, треплетно
опускающуюся на землю. И пока она
качалась, моя спутница ежeminутно
нервно вскрикивала:

— Ахъ, упадетъ!... Ахъ, она упадетъ!..
Но плясунья не падала, и мелькала
все чаще и быстрѣй, такъ что скоро ея
уже не было видно, а въ воздухѣ висѣлъ
только прозрачный, розовый, дрожащій
полукругъ...

Молодая женщина сжала мнѣ руку и
чуть слышно произнесла:
— Я боюсь, что она упадетъ... Пой-
демте...

Я посмотрѣлъ на нее и усмѣхнувшись
внезапно пришедшей мнѣ въ голову мы-
сли, серьезно сказалъ:

КЪ ЮБИЛЕЮ «ТЕАТРА И ИСКУССТВА».



Картинка съ очень многими словами.

— Да, вы правы: она непремѣнно ко-
гда-нибудь упадетъ. Всѣ канатныя
плясуньи оканчиваютъ паденіемъ...

Она почувствовала въ моихъ словахъ
тайную мысль, намекъ на что-то и во-
просительно, пылливо посмотрѣла на ме-
ня. Я спокойно продолжалъ:

— Посмотрите: она уже не качается,
а ходитъ по канату, выдѣлывая па валь-
са. Каждый шагъ—опасность, и она
знаетъ это, но наслаженіе остроюю
сильных ощущений пересиливаетъ страхъ,
глядящій изъ ея глазъ, и она весело улы-
бается. Невѣрный канатъ покоренъ каж-
дому ея движенію: ея движенія строго
разсчитаны и облуманы, но, вѣдь, она
не автоматъ: ее можетъ посягнуть какая-
нибудь мысль, воспоминаніе, чувство—
которое поразитъ ее и заставитъ поза-
быть о канатѣ. И тогда...

Молодая женщина нервно передернула
плечами, а мнѣ вдругъ представилась
странная картина. Въ высотѣ, на канатѣ
я увидѣлъ не плясунью въ розовомъ
трико, а мою хорошенькую, изящную
спутницу. Ловко и красиво подобравъ
одной рукой до колѣнъ юбки и балан-
сируя зонткомъ въ другой рукѣ, она
скользила по канату взадъ и впередъ,

и на ея головѣ мѣрно покачивалась чер-
ная шляпа съ бѣлымъ перомъ. Она ухо-
дила отъ меня и снова приближалась,
перегибалась впередъ грудью и неожидан-
но отклонялась назадъ. И опять подхо-
дила и удалялась, звала улыбкой и съ
ужасомъ въ глазахъ отшатывалась, и ея
гибкое, молодое тѣло, казалось, изви-
валось отъ желанія и дрожало отъ стра-
ха... И вдругъ передъ ея глазами проле-
тѣла какая-то птица, и пораженная ея
неожиданнымъ появленіемъ, она оступилась,
сорвалась съ каната и ринулась
головой внизъ, раскрывъ мнѣ объятя...
Я вздрогнулъ и нервно сжалъ руку
молодой женщины.

Она отвѣтила мнѣ теплымъ пожатіемъ...
Канатная плясунья, бросивъ вѣравнизы,
быстро, какъ кошка, спустилась по ве-
ревъ на землю и при громкихъ апло-
дисментахъ убѣжала въ припрыжку въ
деревянный балаганъ...

На этотъ разъ хожденіе по канату
для нея окончилось болѣе благополучно,
чѣмъ для моей милой, незабвенной спут-
ницы...

ВЛ. ЛЕНСКИЙ.

Ноябрь, 1906 г.

ГАЗЕТА ШЕБУЕВА

ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ И ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 20 НОМЕРОВЪ 1 РУБЛЬ 50 КОП.
съ доставкой и пересылкой.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: НА ВТОРОЙ СТРАНИЦѢ ПО 60 КОП.
НА ПОСЛѢДНЕЙ ПО 30 КОП. ЗА СТРОКУ НОНПАРЕЛЯ.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ И РЕДАКЦИИ: КОВЕНСКИЙ, 14
КОНТОРА ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО ОТЪ 11 ДО 1 Ч. ДНЯ. ТЕЛЕФ. 41-43.

ВЪ КОНТОРѢ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНИЯ Н. Г. ШЕБУЕВА:

ВСѢ ВЫШЕДШІЕ НОМЕРА ГАЗЕТЫ ШЕБУЕВА

№№ 2, 3 и 4 „ПУЛЕМЕТА“ по 10 коп., (съ пере- сылкой 15 коп.).	ЮМОРИСТИЧЕСКИХЪ РАСКЛАЗОВЪ (ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ И. М. ГРАБОВСКАГО).
ВЫПУСКИ 1, 2 и 3 „СОЧИНЕНІЯ ШЕБУЕВА“ по 15 коп. съ пересылкой 20 коп. за выпускъ	2) „ЯПОНСКІЕ ВЕЧЕРА“ и НЕГАТИВЫ ИЗЪ РУСИ.
книги: 1) „БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ“—35	3) „НЕГАТИВЫ“ ИЗЪ РУССКАГО СЛОВА.
	4) „НЕГАТИВЫ“ ИЗЪ РУСИ.

ЦѢНА КАЖДОЙ КНИГИ 1 Р. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

ВЪ Г. МОСКВѢ ГАЗЕТУ ШЕБУЕВА МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВЪ ГАЗЕТНОМЪ АГЕНТСТВѢ А. А. ЯРЦЕВА, СЛОВАЯ-
ТРИУМФАЛЬНАЯ, БЛИЗЪ М. ДМИТРОВКИ, Д. ПЕРСИЦЪ, КВ. 58.

Н. Г. ШЕБУЕВЪ ПРИНИМАЕТЪ ЕЖЕДНЕВНО ОТЪ 11 ДО 12 Ч.
КОВЕНСКИЙ, 14. ТЕЛЕФ. РЕДАКЦИИ 41-43. ТЕЛЕФ. ТИПОГРАФИИ 216—06.